А. С. Демин

«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» И «ХРОНИКА» ГЕОРГИЯ АМАРТОЛА

(К ВОПРОСУ О ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЛЕТОПИСИ)

По характеру использования различных источников в «Повести временных лет» можно понять, отличались ли ранние русские летописцы друг от друга как повествователи. Этого вопроса касались А.А. Шахматов, Д.С. Лихачев, И.П. Еремин, М.Х. Алешковский, А.Л. Никитин, И.Н. Данилевский и др., но говоря о политической и религиозно-нравственной позиции летописцев. Был ли свой стиль у каждого летописца? Довольно большой материал для собственно литературоведческих наблюдений предоставляет «Хроника» Георгия Амартола, славяно-русский перевод которой был использован летописцами буквально на всех этапах создания «Повести временных лет». Давно уже отмечены текстологически крупные заимствования из «Хроники» в «Повести временных лет» (они определены А.А. Шахматовым[1], всего около 30 случаев), но можно заметить и более мелкие фразеологические и стилистические соответствия (тогда прибавляется еще около 40 случаев). Далее предлагается нечто вроде журнала наблюдений по основным этапам формирования летописи.

«Древнейший свод» *(около 1039 г.)*

Начнем с древнейшего из этапов в создании «Повести временных лет», как они выделены и названы А.А. Шахматовым[2], – с «Древнейшего киевского летописного свода», в последовательности реконструированного А.А. Шахматовым текста. Каждый случай сходства анализируется отдельно. Курсивом обозначаются лексические и фразеологические соответствия обоих памятников. Обобщения делаются после перебора всех случаев сходства.

1. Начальный рассказ «Древнейшего свода» содержал характеристику полян: «Бяху мужи *мудри и съмыслени*»[3] (ср. то же

в реально дошедшем тексте «Повести временных лет»: «бяху мужи мудри и смыслени»)[4]. В «Хронике» Амартола (то есть в переводе «Хроники») сходное место встречается в рассказе о царице Савской: «бе бо и та Сивула зело *смысльна и премудра*»[5]. Однако никаких дополнительных соответствий между рассказами нет. В «Древнейшем своде» здесь наверняка было использовано ходкое в то время выражение, которое поэтому повторялось с вариациями и без связи с «Хроникой», например в сообщении об Ольге: «бе *мудра и съмысльна*» (ДС, 543; нет в ПВЛ под 903 г.); а также в рассказах о Владимире: «ты, кънязь, еси *мудръ и съмысльнъ*» (ДС, 557; ПВЛ, 84, под 986 г.); «избьра отъ нихъ мужа *добры и съмысльны*» (ДС, 554–555; ПВЛ, 79, под 980 г.).

2. В «Древнейшем своде» о князе Святославе говорилось: «Кънязю Святославу... нача вои съвъкупляти мъногъ и храбръ, бе бо самъ храбръ и легъкъ, *акы пардусъ*... И посылаше къ странамъ...» (ДС, 546–547; ПВЛ, 64–65, под 964 г.: «Князю Святославу... нача вои совкупляти многи и храбры и легъко ходя, *аки пардусъ*... И посылаше къ странамъ...»).

Откуда летописцем взято сравнение с пардусом, не совсем ясно. В «Хронике» Георгия Амартола это сравнение относилось к Александру Македонскому: «По Филипе царствова въ Македонии Александръ, сынъ его... воя своя изрядивъ... и скочи, *акы пардусъ* съ многою силою на въсточныя страны... посла къ Июдеемь... ...такъ бо обычаи имяше Александръ, посылающю слы от себе к противящемъся ему цесаремъ» (42, 47).

В. М. Истрин отметил сравнение с пардусом в трех памятниках – в летописи, «Хронике» Амартола и в «Александрии»: «море прескочи, *акы пардусъ*, дръзостью воюя землю сурьскую... посылаше послы къ июдеам»[6]. Но это место отсутствует в «Александрии» первой редакции, появилось оно лишь во второй редакции «Александрии» начала XV в., и значит, было заимствовано летописцем XI в. из «Хроники» Амартола[7]. Однако уподобления Святослава Александру Македонскому в летописи вовсе не проводилось. Просто летописец уместно припомнил выразительный фразеологический осколок то ли из «Хроники», то ли еще откуда (ведь А. А. Шахматов предполагал, что летописная характеристика Святослава, включая сравнение с пардусом, могла восходить и к некоей не дошедшей до нас болгарской хронике)[8].

Составителю «Древнейшего свода» свойственно использовать краткие шаблонные сравнения для яркого обозначения

основного морального свойства или эмоционального состояния летописных персонажей или событий: например, Ольга внимала христианскому учению «*акы губа* напаяема» (ДС, 545; ПВЛ, 61, под 955 г.) и «*акы дьньница* предъ сълньцьмь и *акы заря* предъ светъмь сияше» (ДС, 548; ПВЛ, 68, под 969 г.); «дияволъ... сь бяшеть ему, *акы тьрнъ* въ сьрдьци» (ДС, 555; ПВЛ, 82, под 983 г.); «апостоли... учения ихъ, *акы трубы* гласять» (ДС, 556; ПВЛ, 83, под 983 г.); «матери же чадъ сихъ... *акы по мьртвьцихъ*, плакахуся» (ДС, 562; ПВЛ, 119, под 988 г.); убийцы Бориса «нападоша на нь, *акы зверие* дивии» (ДС, 5734; ПВЛ, 134, под 1015 г.); Глеб «*акы агня* непорочьно принесеся на жьртву Богови» (ДС, 574; ПВЛ, 136, под 1015 г.).

Однако, как можно убедиться, почти все приведенные сравнения имели церковный, а не воинский характер. Вероятно, к Святославу церковно окрашенное сравнение применить было нельзя, а морально-воинское – можно отнести: он храбр и быстр, как пардус (в последующем «Начальном своде» этот моральный смысл был разрушен и превращен в физический: «и легъко ходя, акы пардусъ»[9]). В общем, сравнение Святослава с пардусом входило в мозаику рассеянных по «Древнейшему своду» лапидарных оценок князьям или другим персонажам.

3. В заключительном рассказе о Святославе сообщалось о печенежской осаде, в которую у устья Днепра попал Святослав: «и не бе у нихъ брашьна уже, *и бысть гладъ великъ, яко* по полугривне *глава* конячa» (ДС, 551; ПВЛ, 73–74, под 971 г.). Аналогия из «Хроники» Амартола выглядит так: «приде Адеръ, цесарь сурииськыи, и седе округъ Самария, *и бысть гладъ велии, яко* продатися *главе* ослина 30 сребрьникъ» (180).

Нельзя с уверенностью возводить это летописное сообщение именно к «Хронике» Амартола, так как никакой параллели между голодом в стане Святослава и голодом в Самарии не прослеживается. Тем не менее можно допустить, что подобное обозначение меры голода летописец взял на вооружение то ли из «Хроники» (ср. в ней еще: о голоде в войске византийского императора Юлиана Отступника: «скорбящимъ... о недостатце *брашьнемь*, толикъ гладъ одержаше й, яко и *конину* и *мышину* ясти имъ» – 363), то ли из других источников, возможно, из Библии, но если взял в «иностранном» виде, то русифицировал сообщение, заменив сребренники на гривны, а ослиную голову – на конскую.

Обращение летописца к коню, а не к лошади не случайно: боевой конь использовался в «Древнейшем своде» для вырази-

тельного обозначения степени того или иного качества. В рассказах о Святославе это делалось неоднократно, хотя и не всегда прямо. Слишком детский возраст Святослава: «суну копиемь Святославъ на деревляны, и копие лете сквозе уши *коневи* и удари въ ногы *коневи*, – бе бо детьскъ» (ДС, 544; ПВЛ, 58, под 946 г.). Теснота осады Киева печенегами описана: «И оступиша градъ въ силе велице, бещисльно мъножьство около града, – и не бяше льзе *коня* напоити, на Лыбеди печенегы» (ДС, 547; ПВЛ, 65 и 67, под 968 г.). Степень богатства Переяславца дается по высказыванию Святослава: «Хочю жити Переяславьци въ Дунаи, ...яко ту вься благая съходяться», в том числе *«комони»* (ДС, 548; ПВЛ, 67, под 969 г.).

Конь для обозначения меры качества использовался и в дальнейших рассказах «Древнейшего свода». Тучность польского короля Болеслава: «бе бо Болеславъ великъ и тяжькъ, яко и на *кони* не могы седети» (ДС, 577; ПВЛ, 143, под 1018 г.). Тяжесть болезни Святополка Окаянного: «и раслабеша кости его, – не можаше седети на *кони*» (ДС, 578; ПВЛ, 145, под 1019 г.). Мера высоты: «възвыше, яко на *кони* стоящю досящи» (ДС, 581; ПВЛ, 150, под 1036 г.).

В последующих сводах такой способ повествования исчез и, видимо, не ценился. Так, в рассказе «Начального свода» об осаде Киева печенегами прежнее обозначение тесноты осады было разрушено большой вставкой[10].

Правда, и в «Начальном своде» однажды как будто бы прежним способом была указана степень мора: во время похода Ярослава, посланного Владимиром на ямь, «помроша *кони* у вои Володимерь; яко и еще дышающемъ *конемъ*, съдираху хъзы съ нихъ, – толикъ бе моръ въ *конихъ*» (195; ПВЛ, 153–154, под 1042 г.). Однако здесь обозначением меры качества служили не кони, а их «хъзы»; а кроме того, это маленькое сообщение могло являться припиской к «Древнейшему своду», сделанной еще до составления «Начального свода», как и последующий рассказ о походе сына Ярослава на греков (ПВЛ, под 1043 г.)[11].

В общем, выразительное обозначение меры качества конем, вероятно, имело воинские корни и в раннем русском летописании было характерно лишь для «Древнейшего свода».

4. Сообщение о голоде у Святослава заканчивалось следующей развязкой: «Весне же приспевъши, поиде Святославъ въ порогы, и нападе на нь Куря, кънязь печенежьскыи, и *убиша* Святослава, взяша *главу* его и въ *лъбе* его съделаша чашю, *оковавъше* лъбъ его, и *пияху* по немь» (ДС, 551; ПВЛ, 74, под

972 г.). Все это не только в целом, но и в деталях напоминает историю войны византийского царя Никифора и болгарского князя Антокрумля в «Хронике» Амартола: Антокрумль «*уби* его... Никифору же *главу* усекнувъ... потом же обнаживъ *лъбы* и *оковавъ* сребромъ извну, и повеле *пити* из неа князем блъгарскымъ» (487).

Об ориентации «Древнейшего свода» на «Хронику» Амартола дополнительно свидетельствует еще одна параллель, правда, косвенная. В «Хронике» причиной гибели Никифора объявлено его корыстолюбие: Никифору предлагали мир, но «царь же *не послуша* отнюдь мирскых глаголъ *многыа ради несытости*», а ведь «непресыщениемъ мнози умроша... колици бо болшему *желающе*, от всего испадоша» и т. д. (487–488). Соответственно в «Древнейшем своде» о корыстолюбии Святослава хотя и не говорилось прямо, но намек на это делался: Святослав собрал с греков чрезмерно большую дань («и даша ему дань; имашеть же и за убиеныя... възя же и дары мъногы» – ДС, 550; ПВЛ, 71, под 971 г.; «възьмъ именье мъного у грькъ и полонъ бещисльнъ», – ДС, 550; ПВЛ, 73, под 971 г.).

Затем в «Начальном своде» намек на корыстолюбие Святослава подкрепился вставкой: воевода посоветовал Святославу миновать днепровские пороги, занятые печенегами, не на ладьях, а «на конихъ около», но Святослав «*не послуша* его и поиде въ лодияхъ» (НС, 87). Почему не послушал? Возможно, потому, что на конях всю собранную дань было не перевезти, а Святославу жалко было терять даже ее часть.

В более поздних летописях упоминания о корыстолюбии Святослава даже приблизились к «Хронике» Амартола, например во «Львовской летописи»: «чюжимъ паче силы *желая* и своя си погуби за *премногую его несытость*»[12].

Таким образом, за летописным рассказом о смерти Святослава с самого начала ощущалась тень «Хроники» Амартола. Судя по всему, рассказывая о Святославе, пусть и по народным преданиям[13], составитель «Древнейшего свода» иногда припоминал аналогичные ситуации и эффектные детали из «Хроники» Амартола.

5. В рассказах «Древнейшего свода» о Владимире тоже обнаруживается несколько аналогий с «Хроникой» Амартола. Первая аналогия сомнительна: «И нача къняжити Володимеръ Кыеве единъ и *постави кумиры на хълму* вне двора теремьнаго, и творяше потребу кумирамъ съ людьми своими» (ДС, 555; ПВЛ, 79, под 980 г.); «Хроника»: «По Феодосьи же цар-

ствова Аркадии... тъ столпа *постави* на Ксиролофе, рекъше сухыхъ *холмъ*, на немь же своего *утверди кумира*» (392); ср. также в оглавлении к «Хронике»: «По Феодосии царствова Аркадии... иже столпъ *на* сусе *холме постави*, на нем же свои *кумиръ постави*» (15).

Вряд ли «Древнейший свод» восходил здесь непосредственно к «Хронике», тем более что содержание сравниваемых отрывков все-таки различно. Сходство же их фразеологии объясняется, скорее всего, существованием, может быть, все-таки навеянного «Хроникой» Амартола некоего словесного шаблона для сообщений об установке языческих кумиров. Ср. в «Речи философа», которая входила в «Древнейший свод»[14], отрывок, связанный с «Хроникой» Амартола[15]: «створи две главе злате, *постави* едину въ Вефиле *на холме*» (ПВЛ, 97, под 986 г.).

6. В «Древнейшем своде» болгары-магометане излагали Владимиру принципы своей веры, в том числе: «*поклонися* Бохъмиту... веруемъ *богу*, а Бохъмитъ ны *учить*, глаголя: *обрезати* уды таиныя, и *свинины не ясти*, *вина не пити*; и по съмерти же, рече, *съ женами похоть* творити блудьну... Аще *къто* будеть *богатъ сьде*, то и *тамо*; аще ли есть *убогъ сьде*, то и *тамо*» (ДС, 557; ср. ПВЛ, 84–85, под 986 г., где в последней фразе допущен механический пропуск[16]). Несомненную аналогию находим в «Хронике» Амартола в рассказе о Магомете-Бохмите: «*научи обрезыватися* мужем и женамъ, единому точию *покланятися богу*... *Научи* же я... *не примати свиных мясъ*, *вина* же весма ти *не примати*... Праведнымъ же... в раи имъ внити... *женам* же с ними быти... и всяко угажати... плоть *похотну*... *Кождо* же убо зде поживет *въ богатстве* ли *в нищете* и беславы, такым же образомъ *тамо* пребываеть» (450–451).

Составитель «Древнейшего свода», по-видимому, использовал большой рассказ о Магомете из «Хроники» Амартола (или из хронографа, где «Хроника» была), изложил сведения в той же последовательности, что и в «Хронике», но не переписал все целиком, а сделал выборку только основных положений магометанского вероучения, без рассуждений Амартола по их поводу, кратко пересказал сведения и превратил в сжатое перечисление, – очень деловитый подход, который сохранялся в «Древнейшем своде» и при изложении основ христианского и иных вероучений (ср. поучение царьградского патриарха Ольге, варяга киевлянам, «немцев» и хазар Владимиру, греческого философа Владимиру о магометанах, Владимира боярам о речи философа).

7. В заключительном рассказе «Древнейшего свода» о выборе вер Владимиром «бояре реша: ...Ольга, яже бе *мудреиши вьсехъ человекъ*» (ДС, 560; ПВЛ, 108, под 987 г.). Аналогичный способ изложения в «Хронике» Амартола относится к Соломону: «иcписание нарицаеть, глаголя: ...преумножися умъ его *паче* всего *ума всех* древнихъ *человекъ* и *паче всех умныхъ* егупетьскых... *паче всех* суще *премудреише и умнеише*... и *премудрьствова паче всех человекъ*» (144).

В «Древнейшем своде» Соломон упоминался только в связи с Ольгой и больше ни с кем. Так, в некрологической похвале Ольге именно ей была адресована цитата из Притч Соломона (ДС, 549; ПВЛ, 68, под 969 г.); в «Начальном своде» эта связь была усилена дополнительным эпизодом с Соломоном в рассказе о крещении Ольги.

Похвала же бояр Ольге, похоже, ориентировалась на «Хронику» Амартола, но составитель «Древнейшего свода» по своему обыкновению сжал похвалы Соломону в краткую формулировку о мудрости Ольги.

8. Рассказ о смерти Святополка Окаянного в составе «Древнейшего свода» (ДС, 578; ПВЛ, 145, под 1019 г.) имеет параллели в разных местах «Хроники» Амартола.

Выражение *«раслабеша кости его»* из «Древнейшего свода» соотносится с выражением «вся телесная *удеса его раслабевшися*» в «Хронике» Амартола, в рассказе о смерти сирийского правителя Антиоха IV Гордого (203). Использование летописцем рассказа об Антиохе подтверждается и сходством деталей. В «Хронике» злодей Антиох бежал после поражения от персов; соответственно злодей Святополк бежал после поражения от Ярослава. В «Хронике» Антиох «повели оружнику своему беспрестани поганяти»; соответственно Святополк своим отрокам «глаголаше: побегнете... побегнете». В «Хронике» Антиох сетовал: «се погыбаю въ земли чюжеи»; соответственно летописец сообщил, что Святополк «прибежавъ въ пустыню межю Ляхы и Чехы».

Выражение, следующее далее в летописном рассказе — *«испровьрже зъле животъ свои»*, — тоже восходило к рассказу об Антиохе в «Хронике» (*«уродьствьно житие* въ чюжеи стране *испроверже»*), однако тут летописец припомнил и другие подобные выражения, повторявшиеся в «Хронике», особенно в оглавлении к ней: *«зле житие си испроверже»*, *«свои животъ* по правде *зле изврещи»*, *«изверже зле житиа си»* (14, 18, 25); ср. также и в рассказах «Хроники»: *«испроверже житья своего»* (357), *«испровръже* скверно и оканно *житие зле»* (482) и пр.

Заключительная нравоучительная фраза в летописном рассказе о смерти Святополка содержала выражения – «*показоваше яве посьланая* на нь *пагубьная рана* и по съмерти *муку* вечьную», – которые были взяты летописцем из рассказа «Хроники» о смерти уже иного злодея, правителя Иудеи Ирода Великого: «житье си испроверже... по отшествии сего света прияша *мукы* оканьнаго, *показавше яве* образъ, абы приятъ сего от Бога *послана рана пагубная...»* (215–216)[17].

По летописному рассказу о смерти Святополка видно, что составитель «Древнейшего свода» держал в памяти аналогичные рассказы и подходящие выражения «Хроники», используя их по случаю для своего сжатого изложения.

В целом впечатление таково, что составитель «Древнейшего свода» лишь в отдельных эпизодах летописи использовал подходящие ему сюжеты и детали из «Хроники» (преимущественно об отрицательных лицах и событиях, см. примеры № 4, 6, 7, 9); но чаще он предпочитал употреблять шаблонные выражения, читающиеся в том числе и в переводе «Хроники» Амартола (см. примеры № 1, 2, 3, 5).

«Свод Никона» *(около 1074 г.)*

«Свод Никона», по реконструкции А. А. Шахматова, выглядит в основном как сравнительно небольшое продолжение «Древнейшего свода», и лишь в одной из статей этого «Свода Никона» можно обнаружить параллели с «Хроникой» Амартола. Никон рассказал о новгородском волхве, который «мъногы прельсти... глаголащеть бо, яко “преиду по Волхъхову предъ вьсеми”... рости́ и́, паде мьртвъ, и людие разидошася, онъ же погыбе тельмь и душею» (ДС-СН, 604; НВЛ, 181, под 1071 г.). В «Хронике» же сходным образом рассказывалось о некоем лжепроповеднике: «Февда... блазнитель, повинуя к себе многыя, рече: “Азъ пресеку Иердана и проити створю людемъ”. И симъ сгрешивъ, убьенъ бысть и вси сущии с нимь» (225).

Вряд ли Никон здесь взял за образец непосредственно эпизод из «Хроники» Амартола; вероятнее всего, существовал повлиявший на Никона какой-то штамп рассказывания о плохом конце, так сказать, идеологических нечестивцев; тем более что в последней фразе цитированного отрывка Никон использовал распространенную формулу «телом и душею» (ср. в «Хронике» Амартола: «умре душею и тельмь» – 364, 480 и пр.). Так

что в данном рассказе у Никона продолжилась та же ориентация на сюжетно-фразеологические схемы «Хроники», что и в «Древнейшем своде».

«Начальный свод» *(около 1035 г.)*

1. «Начальный свод», как установлено А. А. Шахматовым[18], имел свое название – «*Врменникъ*, еже нарицается летописець рускыхъ князь...» (НС, 361). Название свода явно перекликалось с заголовками «Хроники» Амартола: «*Временьникъ* въпросте» (31), «*Временьник* о хрестьянскыхъ цесарехъ» (333). Так составитель «Начального свода», возможно, показал, что «Хронике» Амартола он будет уделять большее внимание, чем это делалось раньше.

2. И действительно, первая же фраза предисловия к «Начальному своду» явилась обобщением сведений и формулировок из «Хроники» Амартола: «Яко же бысть древле цесарь Римъ, и *прозъвася въ имя его* градъ Римъ; и пакы Антиохъ, и бысть Антиохия Великая; и пакы Селевкъ, и бысть Селевкия; и пакы Александръ, и бысть *въ имя его* Александрия; и по мънога места тако *прозъвани* быша град ти *въ имена* цесарь техъ и къназь техъ. Тако же и въ нашеи стране *прозьванъ* бысть градъ великыи Кыевъ *въ имя* Кыя» (НС, 361–362). Ср. в «Хронике» Амартола: «царствова Ромъ, иже созда Римъ градъ, и Римъ, братъ его» (39); «Селевкии... тъ три грады созда... 1. Селевкии нарече, 2. Антиохии, 3. Лаодикию – *въ свое имя*, и в сыновне, и въ дщерие, бе бо имя еи Лаодикия» (199); Александр Македонский «великую Александрию *въ свое имя* созда» (47). В «Хронике» немало сообщений о том, что очередной правитель «градъ создавъ, *нарече* и... *въ свое имя*» или «въ имя» чье-либо (35, 36, 86 и пр.).

Первый же после предисловия рассказ о Кие и его братьях в «Начальном своде» содержал объяснение названия Киева: «*въ имя брата* своего стареишаго *нарекоша* и Кыевъ» (НС, 365; ПВЛ, 9). В «Древнейшем своде» этого объяснения не было, вставленное в «Начальный свод»[19], оно, судя по форме и повествовательной манере, тоже ориентировалось на «Хронику» Амартола.

3. После рассказа о создании Киева и о полянах в «Начальном своде» следовала вставка о походе Руси на Царьград[20]: «Въ си же времена бысть в Гречьстеи земли цесарь именьмь Михаилъ и мати его Ирина, иже *проповедашеть поклаияние иконамъ въ пьрвую неделю поста*. При семь *придоша русь на Цесарьградъ* въ кораблихъ, *бес числа* корабль. А *въ дьвою сьту въшьдъше въ Судъ*,

мъного зъло сътвориша грькомъ и *убииство* велико *хрьстияномъ. Цесарь же съ патриархъмъ Фотиемь мольбу сътвори въ цьркъви святыя Богородица Влахерне вьсю нощь. Таче святыя Богородица ризу изнесъше, въ море скуть омочиша.* А въ время то, яко *тишине сущи, абие буря въста*, и потапляше корабля русьскыя, и *извьрже й на брегъ. И въ свояси възвратишася»* (НС, 365–366; ср. ПВЛ, 21–22, под 866 г.).

Этот отрывок примечателен тем, что в нем «Хроника» Амартола (вернее, ее продолжение, составленное Симеоном Логофетом) была использована по-разному. В первой фразе составитель «Начального свода» напомнил предыдущее изложение «Хроники»; ср. в «Хронике»: «Святых *иконъ поклонение проповедавъ в первую неделю* святого *поста»* (503). Вторая фраза летописного отрывка кратко обозначила суть дела с оглядкой на «Хронику», в которой сообщалось, «яко *русь на Костянтинъ град идут»* (511); притом летописная деталь – «бес числа корабль» – также была навеяна фразеологией предыдущего изложения в переводе «Хроники»: «пловущимъ премногомъ *бес числа»* (420), «воя *бес числа»* (466) и пр. Зато все дальнейшее в летописном рассказе явилось сравнительно точной выпиской из «Хроники», хотя и с сокращениями; ср. в «Хронике»: «Русь же, *внутрь Суда вшедше, много убииство христианомъ створиша.* И пришли бяху *въ двоесту* лодей... Царь же... внидс и *съ патриархомъ Фотиемь* къ сущии *церкви святыа Богоодица Влахерне*, и абие пакы *всюнощную молбу створиша... Таче* божественую *святыа Богородица ризу* с песньми *изнесше, в мори скуть омочивше. Тишине же сущи* и морю укротившуся, *абие буря* съ ветромъ *въста...* руси лодия възмяте, и *къ брегу привержени* избиени... *И въ своиси* с побеждениемъ *възвратишася»* (511).

Сам факт появления этой довольно заметной фактографической выписки из «Хроники» в «Начальном своде», конечно, не означал изменения прежней лаконичной повествовательной манеры летописца, но все же оказывался симптоматичным в литературном отношении.

4. В рассказе о призвании варягов встречается редкое выражение: «и *въсташа* сами *на ся* воевать» (НС, 368; ПВЛ, 19, под 862 г.). Аналогию можно заметить в оглавлении к «Хронике» Амартола: «сущеи же людье въ Костянтине граде *въсташа на ся»* (17). Однако о связи летописи с «Хроникой» тут говорить с уверенностью нельзя. Скорее всего, подобное выражение, все-таки бытовавшее в книжности, было использовано в переводе «Хроники» и в летописи независимо друг от друга.

5. Видимо, не чем иным, как общей фразеологической традицией обозначения почести объясняется и сходство выражений между летописным рассказом об Ольге и рассказом «Хроники» об Аврааме: летопись: «хощю вы *почьстити* наутрия *предъ людьми* своими» (НС, 63–64; ПВЛ, 56, под 945 г.); «Хроника»: «цесарь вельми *похваливъ* Аврама и, *предъ всеми* видевъ удивлена, многы дары великыми его *почте предъ всеми*» (85); ср. еще: Давид «постави цесаремь сына своего Соломона, пакы рече к нему *предъ людьми*» (Хроника, 137).

6. Теперь перейдем к летописным рассказам о Владимире. Об осаде Корсуня Владимиром в «Начальном своде» говорится: «Володимеръ же *обьстоя градъ*... и преяша воду, и *людие изнемогоша жажею водьною и предашася*» (НС, 137–138; ПВЛ, 109, под 988 г.). Аналогично выглядит сообщение «Хроники» Амартола об осаде Ветилуи Олоферном: «Олофернии же *приступаше* ко граду, преже *преимъ воду*, и *людемъ изнемогающемъ водною жажею* и хотящемъ *предати градъ*» (192). Никакой параллели между Владимиром и Олоферном в летописи не проводится. Возможно, оба эти сообщения имели общий фразеологический источник; но примечательно, что летописец помнил уже не только отдельные ходовые выражения, а целую повествовательную композицию из них.

7. В том же летописном рассказе об осаде и взятии Корсуня Владимиром летописец упомянул, «колико зъло сътвориша русь гръкомъ» (НС, 139; ПВЛ, 110, под 988 г.). Ср. в «Хронике»: «много зла христианом сотвори» (24), «колико зла створи», «о колицех злых сътвори греком» (25), «много зла крестьяномъ створиша» (26) и т. д. И в переводе «Хроники», и в летописи использовалось распространенное тогда выражение. Ср. в «Начальном своде» еще: «мъного зъло сътворьша... колико си мъне съключи зъла» (НС, 254; ПВЛ, 200, под 1078 г.) и др.

8. Вероятно, к общеупотребимым ситуационным выражениям относилось в летописи высказывание Владимира, захотевшего креститься: «великъ Богъ хрьстияньскъ» (НС, 140; ПВЛ, 111, под 988 г.); ср. в «Хронике» восклицания иудеев, пожелавших креститься: «великъ Богъ крестьянескъ» (338).

9. В «Начальном своде» более подробно, чем в «Древнейшем своде», была изложена история расправы Владимира с киевскими идолами[21]; в частности, был добавлен рассказ о надругательстве над Перуном: «повеле кумиры *испровречи*... Перуна же *повеле... влещи... на поругание...*» (НС, 148–149; ПВЛ, 116, под 988 г.). В летописной статье «Начального свода» наблюда-

ется некоторое сходство с рассказом «Хроники» об аналогичной расправе византийского императора Юлиана Отступника: «...стояше медяный кумиръ Христовъ, ... его же кумира Иульянъ нечестивыи *сняти* и доловь *на поруганье* и *волочити* и повеле» (360).

На предположение о том, что составитель «Начального свода», говоря о Владимировых идолах, опирался на сюжетно-фразеологические припоминания из данного рассказа «Хроники», наводят дополнительные мелкие соответствия. Так, в «Начальном своде» сообщалось, что язычники около идолов *«оскврьняху землю требами* своими» (НС, 95; ПВЛ, 79, под 980 г.); в «Хронике» Юлиан *«истокы жертвами* сквернами *оскверняше»* (360). Далее в «Начальном своде» упоминались именно медные статуи, привезенные Владимиром в Киев: *«медяне* дъве капищи и 4 коне *медяны*, иже и ныне *стоять...»* (НС, 148; ПВЛ, 116, под 988 г.); в том же рассказе «Хроники» упоминалось, что в городе Пансада *«стояше медяныи кумиръ* Христовъ» (360). Наконец, «Начальный свод» добавил, что после расправы с Перуном *«плакахуся* его невернии людие» (НС, 149; ПВЛ, 117, под 988 г.); в «Хронике» – «видяще крестьяне стонаху и *плакаху* о бываемыхъ» (360–361). И еще одно возможное соответствие: затем в том же рассказе «Начального свода» говорилось, что «се *слышавъше* людие, *съ радостию идяху»* (НС, 149; ПВЛ, 117); а в продолжении рассказа «Хроники» сообщалось, что «съ велью *радостью услышавъше*... жидомъ же отвсюду *стекающимъся»* (362).

Формальная связь «Начального свода» с «Хроникой» Амартола здесь просматривается, но содержание памятников в большинстве случаев противоположно: летописец рассказывал о языческих «кумирах», а Амартол – о статуе Христа; летописец говорил о плаче язычников, а Амартол – о плаче христиан; летописец сообщал о радости желающих креститься, а Амартол – о радости врагов христианства. Составитель «Начального свода», по-видимому, вольно, в своих целях использовал сюжетно-фразеологическую схему подходящего рассказа «Хроники».

Возможно, и не один рассказ «Хроники» схематически повлиял на летописный рассказ о расправе над Перуном. Так, в «Начальном своде»: «Перуна же *повеле привязати* коневи къ хвосту... и 12 мужа пристави *тети жъзлиемь...* на *поругание»* (НС, 148–149; ПВЛ, 116–117, под 988 г.); ср. в «Хронике» о расправе римского полководца над одним из римских сенато-

ров: «ужемъ *препоясавъ*, и *повеле жезльникомъ бити*... и тако бещести изганъ...» (41). Ср. еще в «Начальном своде», в начале рассказа о поставлении кумиров Владимиром: «*И жьряху* имъ, наричюще я богы, и *привожаху сыны своя и дъщери, и жьряху* бесомъ» (НС, 95; ПВЛ, 79, под 980 г.)[22]; соответственно в «Хронике» об идолах в Самарии: «створиша две злате краве, и поклонишася, и *служаша има* и Ваалу, и *привожаху* имъ *сыны своя и дщери*... и *волхвоваху*» (183).

10. Рассказ о смерти Святополка, уже в «Древнейшем своде» имевший черты сходства с «Хроникой» Амартола (см. из «Древнейшего свода» наш пример № 8), был приведен в «Начальном своде» в еще большее соответствие с «Хроникой»[23]. «Начальный свод»: «Его же по правьде, яко неправьдьна, суду пришьдъшю, по ошьствии сего света, прияша мукы, оканьнаго, показоваше посьланая пагубная рана въ съмьрть немилостивьно вългъна» (НС, 184–185; ПВЛ, 145, под 1019 г.); «Хроника»: «его же по правде, яко неправеднаго, суду пришедшю, по отшествии сего света, прияша мукы, оканьнаго, показавше яве образъ, абье приятъ сего от Бога послана рана пагубная въ смерть немилостивно вългна» (215–216).

Составитель «Начального свода» сделал буквальную выписку из «Хроники», притом не фактографическую, а нравоучительную, чего не наблюдалось в предыдущих древнерусских сводах.

11. О полоцком князе Всеславе Брячиславовиче в «Начальном своде» говорилось, что тот «немилостивъ есть на кровопролитие» (НС, 196; ПВЛ, 155, под 1044 г.). Это выражение можно сопоставить с «Хроникой», где охарактеризованы злые грешники: «скоры суть на пролитье кръви» (120). Но действительной связи между летописью и «Хроникой» здесь не было, потому что выражение и в летописи, и в «Хронике» восходило к «Притчам» Соломона[24]; сам «Начальный свод» прямо указывал на источник этого выражения: «О сяковыхъ бо Соломонъ рече: "Скори суть пролияти кръвь..."» (НС, 168–169; ПВЛ, 132, под 1015 г.); а высказывание о Брячиславе, по-видимому, являлось лишь видоизменением библейского выражения.

12. Зато далее в «Начальном своде» в рассказе о различных зловещих знамениях, от слов «яко же древле, при Антиохе, въ Иерусалиме ключися...» и до слов «проповедающи наитие языка, еже и бысть» (НС, 208–210; ПВЛ, 164–165, под 1065 г.), была сделана непрерывная серия больших выписок, обобщающая тему знамений из «Хроники» Амартола

(200, 262, 421, 428, 479, а также 453, 458). Все выписки отмечены А. А. Шахматовым, который считал их восходящими (через новгородский летописный свод середины XI в., которым, по мнению А. А. Шахматова, воспользовался киевский «Начальный свод» конца XI в.) к особому «Хронографу», содержавшему и «Хронику» Амартола[25]. Как бы то ни было, но в литературном отношении составитель «Начального свода» в данном случае явно проявил свою расположенность не к сжатому, а, напротив, к уже довольно пространному повествованию, о чем даже предупредил непосредственно перед выписками: «Се же бывають сица знамения не на добро, мы бо по сему разумеемъ» (НС, 208).

13. «Начальный свод» с жалостью рассказал об убийстве великого князя киевского Изяслава Ярославовича во время битвы: «*вънезапу* приехавъ единъ, *удари и копиемь за плечо. И тако убиенъ бысть* Изяславъ» (НС, 255; ПВЛ, 201, под 1078 г.). Кое в чем сходен рассказ в «Хронике» Амартола об убийстве византийского императора Юлиана Отступника тоже во время битвы: «*внезапу* бо *послано копье на нь*, и прободенъ бысть *въ мышьцю*, вниде же ему въ ребра, *темь* прободениемь *животъ сы испровержe*, неведущю ему, кто и уби» (363). Но Юлиан – крайне отрицательный герой «Хроники», а Изяслав – исключительно положительный персонаж летописи. Летописец как нейтральную усвоил сюжетно-фразеологическую схему сообщения о внезапном убийстве правителя независимо от того, был он хорошим или плохим. Подобные случаи в «Начальном своде» были не единичны (см. выше примеры № 6, 9).

Опору на клише составитель «Начального свода» продемонстрировал в рассказе о гибели Изяслава и далее, в некрологических рассуждениях о князе: «не въздая зъла за зъло... не възда противу тому зъла... не въдасть зъла за зъло» (НС, 256–257; ПВЛ, 202, под 1078 г.). Эта формула в «Хронике» Амартола относится к Давиду, который не мстил Саулу за преследования: «ничто же възда ему зла противу зла» (126). Но в «Начальном своде» сопоставление Изяслава с Давидом не проводилось, летописец использовал лишь ходкое выражение, независимо от «Хроники» Амартола. Ср. в «Начальном своде» ранее: «не въздающе зъла за зъло» (НС, 215; ПВЛ, 169, под 1068 г. Взято из «Слова о казнях Божиих»[26]).

14. В конце «Начального свода» давалась характеристика киевскому митрополиту Иоанну: «и сякого *не бысть преже* въ Руси, ни *по немь не будеть сякъ*» (НС, 264; ПВЛ, 208, под

1089 г.). Соответственно в «Хронике» Амартола Бог сказал Соломону: «*и не бысть преже* тебе и *по тобе не будет подобенъ* тобе» (144). Но и тут составитель «Начального свода», скорее всего, оперировал фразеологической схемой, помимо «Хроники».

15. Последние, как предположено А.А. Шахматовым, слова составителя «Начального свода»: «Се бо азъ, грешныи, и мъного и часто *Бога прогневаю* и часто съгрешаю *по вься дьни*» (НС, 284; ПВЛ, 225, под 1093 г.). Сходное выражение в «Хронике» Амартола: «*Бога по вся дни* и часы делы и словесы *прогневающе*» (107).

Ориентация летописца на «Хронику» проявилась здесь вот в чем. В «Хронике» словам о прогневании Бога непосредственно предшествуют нравоучительные рассуждения Амартола на тему: «крепкымъ крепкое предъстоить испытание; научаеть же сими насъ Богъ, яко добродетелныхъ истовее истязаеть... силнии же силно истязаеми будут... ему же много дано, много истяжють... яко же по многу милость его, тако и многа обличения его...». В «Начальном своде» тем же словам о прогневании Бога непосредственно предшествовали рассуждения летописца точно на ту же тему: «Имь же паче ярость свою въздвиже на ны, яко паче вьсехъ почьтени бывъше... Яко же паче вьсехъ просвещени бывъше и владычьню волю ведуще и презьревъше, въ лепоту паче инехъ казними есмы». Видимо, рассуждения Амартола навели летописца на соответствующие мысли, которые он выразил своими словами.

Подведем итог. «Начальный свод» на всем своем протяжении не часто, но регулярно, от своего начала и до самого конца, обращался к «Хронике» Георгия Амартола, притом к разным ее частям и тоже от ее начала и до ее конца. С «Древнейшим сводом» «Начальный свод» роднит пристрастие к стандартным выражениям и повествовательно-фразеологическим схемам (см. примеры № 4, 5, 6, 7, 8, 11, 13, 14). Но в отличие от «Древнейшего свода» в «Начальном своде» летописец проявил большее тяготение к подробному и разветвленному изложению, что, в частности, заметно не только по выпискам из «Хроники» (см. примеры № 3, 10, 12) и использованию ее сюжетно фразеологических схем (см. примеры № 2, 9, 15), но и по оговоркам летописца о характере своего повествования, появившимся именно в «Начальном своде» и отсутствовавшим ранее.

Составитель «Начального свода» уже в своем предисловии призывал внимательней знакомиться с разросшимся летописным повествованием: «Вась молю, стадо Христово, сь любовию приклоните ушеса ваша разумьно ... Мы же... вься по

ряду извьстьно да съкажемъ» (НС, 363–364; ср. реально дошедший текст с этим предисловием в «Новгородской первой летописи» младшего извода[27]). Составитель «Начального свода» предупреждал о своих новых рассказах, вставленных в летопись: «По семь съкажемъ о приключивъшихъся въ летехъ сихъ», «и се да съкажемъ...», «се же написахъ и положихъ...» и т. д. (НС, 373, 197, 203[28]); скромно признавался, что это он еще мало рассказал: «скажемъ... мало»; «наменю николико», «се же повемь мало нечьто», «нъ се реку мало нечьто» и пр. (НС, 232, 240, 268, 269[29]); ссылался на прежние рассказы: «о немь же преже съказахомъ», «яко же рекохомъ», «яко же рекохомъ преже» и др. (НС, 91, 193, 275[30]); указывал на окончание сделанных вставок: «мы же пакы на последование възвратимъся, глаголюще сице...», «нъ мы на предьнее възвратимъся», «мы же на предълежащи пакы възвратимъся» (НС, 362, 367, 216); наконец, предвосхищал будущие свои рассказы: «яко же последи скажемъ»[31], «пакы съкажемъ» (96, 203).

Гораздо бóльшую развитость повествования в «Начальном своде» можно объяснить большим количеством новых идей в нем, но для их раскрытия нужно особое исследование, уводящее далеко от связи древнерусской летописи с «Хроникой» Амартола.

«Повесть временных лет» Нестора *(около 1113 г.)*

1. Географическое начало «Повести временных лет» (1–3) о разделении Земли между сыновьями Ноя, как установил А. А. Шахматов[32], почти целиком было переписано из «Хроники» Амартола (58–59), не без влияния, правда, какого-то «Хронографа». Судя по характеру сокращений в летописной статье, Нестора интересовали чисто справочно-фактические сведения, бесконечные перечисления, а не собственно повествование, чем начало новой летописи стало резко отличаться от предыдущего «Начального свода».

2. Летописный рассказ о вавилонском столпе тоже, как показал А. А. Шахматов[33], восходил к «Хронике» Амартола и неизвестному «Хронографу», из рассказов которых Нестор сделал краткую фактичную выжимку.

3. Во вступлении к «Повести временных лет» прибавилось следующее сообщение о Кие: «пришедшю въ свои градъ Киевъ, ту животъ свои скончa» (10). Сходное умиротворяющее замечание в «Хронике» Амартола касается Александра Македон-

ского: «пакы възвратися въ Вавилонъ, в немъ же и умре» (47). Но летописец здесь не обращался к «Хронике» Амартола, а, вероятнее всего, использовал летописный же повествовательный штамп. Уже в «Древнейшем своде» встречалось похожее связанное со смертью возвращение героя к своему изделию или к свой столице: тмутороканский князь Мстислав Владимирович «умьре, и положиша и в цьркъви... юже бе самъ заложилъ» (ДС, 581; ср. ПВЛ, 150, под 1036 г.). В «Начальном своде» подобные штампы повторялись неоднократно: киево-печерский игумен Антоний «ископа печеру... въ неи же съконьча животъ свои» (НС, 200[34]; ср. ПВЛ, 188, под 1051 г.); владимиро-волынского князя Ярополка Изяславовича «положиша... в церкви... юже бе самъ началъ зьдати преже» (НС, 262; ср. ПВЛ, 206, под 1086 г.). Нестор также не чуждался повторять подобные штампы: «вдасть... Давыдови Дорогобужь, в нем же и умре» (274, под 1100 г. Речь шла о следующем после Ярополка владимиро-волынском князе Давыде Игоревиче).

4. Дальнейшие упоминания болгар и угров во вступительной части «Повести временных лет» (11) явились сокращением сведений из разных мест «Хроники» Амартола (36, 434)[35].

5. Первая фраза в сообщении «Повести временных лет» об обрах (11) также сокращенно отразила «Хронику» Амартола (434)[36], а выражение о том, что обры «примучиша» дулебов (12; ср. и об Олеге, который «примучи» деревлян – 24, под 883 г.), могло повторить словоупотребление «примучивъ», «примучи» из перевода «Хроники» (4, 36, 37, 38). Характеристика обров здесь же в летописи – «быша бо объре *теломь велици* и умомь горди, и Богъ потреби я» (12), – возможно, тоже имела отношение к «Хронике», к рассказу Амартола о судьбе иудейского царя Саула: «что убо Саулу поможе *величьство* и высота *тела* его? ... Не подобаеть убо на телесную высоту *величатися* и велие мыслити... Саулу же убьену бывшю...» (127–128). Одна из заключительных фраз об обрах в летописи – «помроша вси, *и не остася ни единъ*» (12) – опять соотносится с тем же рассказом «Хроники» о Сауле, который убил всех горожан в Номве, «*и не оста* от нихъ *ни един*» (126). Но, скорее всего, то был фразеологический штамп. Ср. в «Хронике» в другом месте, о жителях Самарии: «и отрину я Господь от лица своего, *и не оста ни единъ*» (183–184).

6. Нестор новыми сведениями дополнил старую летописную тему (см. «Начальный свод», пример № 2) о происхождении названий – на этот раз этнонимов – от имен людей: «бяста

бо 2 брата в лясехъ – Радимъ, а другии Вятко... и прозвашася радимичи... прозвашася вятичи» (12). Сама подобная манера объяснений наверняка была заимствована Нестором, так как очень напоминает «Хронику» Амартола: «Суръ же доставъшю ему страну нарече Суриею, от него же суряне нарекошася... Киликесъ же доставъшюю ему землю нарече ю Киликия, – въ свое имя кождо свою страну нарекоша» (37); «от Латина царя нареченомъ латиномъ и Италомъ... италяне нарекошася древле, а напоследокъ нарекошася ромеи от Рома» (54) и пр.

7. Еще одно возможное проявление фразеологического влияния перевода «Хроники» Амартола на летопись Нестора встречается, когда летописец осуждал деревлян, которые «*живуще скотьски*» (13), и тем самым повторял высказывания Амартола о сарацынах, «о *скотиньске жизни* ихъ» (29), или насчет мелхиседекиан, про «*скотиньское житие* ихъ» (88).

8. Следующую затем большую выписку в летописи (14–16) из фактичного рассказа «Хроники» Амартола о нравах разных народов (49–50) Нестор даже предварил специальной, так сказать, ученой отсылкой: «Глаголеть Георгии в летописаньи»[37]. Такими учеными ссылками на книжников Нестор пользовался неоднократно: «о семь бо уведехомъ... яко пишется в летописаньи гречьстемь» (то есть у продолжателя «Хроники» Амартола[38]; ПВЛ, 17, под 852 г.); «папежь римьскии... река» (27, под 898 г.); «великии Настасии Божьа града рече» (40, под 912 г.); «Мефодии же сведетельствуеть... яко же сказаеть... Мефоди папа римскыи» (234, 236, под 1096 г.). Летописцы до Нестора ссылались только на Писание, но не на более поздних книжников.

9. Под 858 г. (19) Нестор сокращенно изложил взятый из продолжения «Хроники» Амартола рассказ о походе греков на болгар (508)[39].

10. Под 866 г. (21–22) Нестор опять-таки с некоторыми сокращениями переписал рассказ из продолжения «Хроники» Амартола о походе русов на Царьград (511)[40].

11. Сообщение под 868 г. (22) о правлении одного из византийских цесарей тоже восходило к продолжению «Хроники» (519)[41].

12. Под 879 г. странное сообщение о том, что Рюрик «*предасть княженье* свое Олгови» (22), находит фразеологическое соответствие в продолжении «Хроники», в сообщениях о том, что «умре Леонъ царь, Александру, своему брату, *царствие предавъ*» (540); затем умер и Александр, «*царствие* Костянтину, Леонтову сыну *предасть*» (542).

Наблюдаются не только фразеологические, но и ситуационные параллели между данным летописным сообщением о Рюрике и Олеге и рассказом «Хроники» о Леоне, Александре и Константине. В летописи Нестор объяснил передачу княженья Рюриком Олегу как родственнику («от рода ему суща») малым возрастом Игоря, Рюрикова сына («въдавъ ему сынъ свои на руце», — «бысть бо детескъ вельми»). Сходно в «Хронике»: Леон передал свое царствие брату, «моляся, сына его Костянтина да хранить» (540), потому что «Костянтин же, отцу его умершу, 7 лет имеаше възрастомъ» (542).

Далее в летописи говорилось, что Игорь подчинялся Олегу: «хожаше по Олзе и слушаша его» (29, под 903 г.). В «Хронике» же соответственно сообщалось о том, что с самого начала «Александръ же царствова... с Костянтином, Леонтовомъ сыномъ» (540), а Константин даже после смерти Александра «под поручникы повинуяся», оставленными Александром.

Таким образом, у Нестора, по-видимому, наметились параллели между Рюриком и Леоном, между Олегом и Александром, между Игорем и Константином. Это тем более вероятно, потому что Нестор знал в полном объеме хронографический рассказ об Александре и Леоне, о чем свидетельствует летописное сообщение под 887 г. (24), восходящее к продолжению «Хроники» Амартола (527)[42]. Любопытно, что на русскую ситуацию 879 г. Нестор неявно перенес более позднюю византийскую ситуацию 913 г. (Александр умер в 913 г.), — аналогия из авторитетной «Хроники» для Нестора, видимо, была важнее исторической последовательности событий.

13. Летописный рассказ под 898 г. о Кирилле и Мефодии А.А. Шахматов возводил к не дошедшему до нас «Сказанию о преложении книг на словенский язык», а через него к «Житию Мефодия»[43]. Наблюдается еще одно, дополнительное, сходство — между летописным рассказом о поисках учителя моравскими князьями для славян и рассказом «Хроники» Амартола о поисках учителя византийским цесарем Феодосием I Великим для своих сыновей.

Собственно, сходна лишь сама сюжетно-фразеологическая схема. В начале рассказов начинаются поиски учителя — летопись: «*послаша* ко царю Михаилу» (26); «Хроника»: «*посла* по всеи вселенеи своего царьства» (376). Поясняется, зачем нужен учитель, — летопись: «иже бы *наказалъ*, и *поучалъ* насъ, и протолковалъ *святыя* книги»; «Хроника»: «*учити святыя* грамоты», «да *научить* ю и человечю исписанью», «да *накажеть* чада

его», *«накажеши я»* (376–377). Упоминается разумение – летопись: «не *разумеемъ* книжнаго образа»; «Хроника»: *«разумыя* божественнаго же и человеческаго» (377). Излагается суть просьбы – летопись: *«послете* ны учителя», *«просящи* учителя»; «Хроника»: *«прося послати* к нему человека таковаго» (377). Созываются советники – летопись: «царь Михаилъ и *созва* философы вся и сказа имъ речи вся словенскихъ князь»; «Хроника»: «цесарь же римьскыи *призвавъ* папежа, *показая ему грамоту* царя Феодосья». Советники находят выход из положения – летопись: «и *реша* философи: "*Есть* мужь в Селуни *именемъ* Левъ"»; «Хроника»: *«рече* папежь къ цесареви: "*Есть* у насъ деяконъ стеръ... *имя* ему Арсений"». Дается характеристика кандидатам – летопись: «сынове *разумиви*... 2 сына у него *философа»*; в «Хронике» тоже ищут «мужа *разумива»* (376), «мужа *философа»* (377). За кандидатами посылают – летопись: *«посла* я, и *придоста... и рече има»*; «Хроника»: «и *пославше* призваша... *пришедъшю* ему, и *глагола ему»*. Желание иметь учителей еще раз подтверждают – летопись: *«сего* бо *желають»* (27); «Хроника»: *«о таковемъ желаетъ»*. Получившие учителей радуются – летопись: «и *ради быша* словени, яко *слышиша*...»; «Хроника»: «се *слышавъ*, цесарь *радъ бысть* зело».

Из приведенных примеров видно, что Нестор детально помнил схему типового рассказа о поисках учителя, но вряд ли взял за образец только и исключительно рассказ «Хроники» Амартола.

Больше того, Нестор свободно пользовался подобной схемой и для рассказов о поисках нужного человека вообще. Так, под 993 г. Нестор включил рассказ о том, как Владимир искал воина, который смог бы побороться с печенежским богатырем. Одни элементы летописного рассказа о поисках воина совпадают с элементом рассказов о поиске учителя и в летописи, и в «Хронике»; другие же элементы совпадают только с «Хроникой». Вот сообщается о начале поисков: «Володимеръ же... посла биричи по товаромъ [в других списках летописи: по воиску], глаголя: "Нету ли такого мужа?.." ...сля по всем воемъ» (этот элемент мы уже отмечали). Далее используется еще не отмеченный элемент схемы – о неудачности поисков первоначально: «и *не обретеся нигде же»*; ср. в «Хронике» Амартола о поисках учителя: *«не възмъже обрести никого же»* и *«не обретъ*, яко же искаше... искавшю и *не обрете»* (377). Тут нашелся советник – выручатель Владимира: «и приде единъ старъ мужь ко князю и рече ему: "Есть у мене единъ сынъ..."» (этот

элемент уже был отмечен). Затем снова добавлен был еще не отмеченный нами элемент схемы – об уникальности предлагаемого человека: «отъ детьства бо его *несть* кто *имъ* ударилъ» (123); ср. в «Хронике» о предложенном учителе: «подобенъ *ему* инъ *несть*» (377). Последовал привод нужного человека: «посла по нь и приведоша и» (этот же элемент уже был отмечен). И опять Нестор ввел дополнительные элементы схемы – о сомнениях нужного человека в своих силах: «не веде, могу ли...»; ср. в «Хронике» учитель говорит, что он «недостоинъ» (378); а также о внешности нужного человека – летопись: «бе бо середнии теломь»; ср. в «Хронике»: «лепъ же имущю образъ, благоповиненъ же възракомь». Все кончается радостью: «Володимеръ же радъ бывъ»; ср. в «Хронике»: «и възрадовася радостью великою зело цесарь» (378). И даже самый последний элемент схемы, ранее не отмеченный нами, не забыл использовать Нестор – о награждении нужного человека: «Володимеръ же великимь мужемъ створи того» (124); ср. в «Хронике»: Феодосий «повелику же почтивъ Арсенья» (379).

Добавочные сведения о сходстве летописного рассказа про единоборство с печенежским богатырем и «Хроники» Амартола см. ниже, под № 27.

Что же касается схемы рассказов о поисках нужного человека, то некоторые элементы этой схемы сформировались в летописи задолго до Нестора и встречались даже в «Древнейшем своде», – например, в статье о сражении Ярополка Святославовича со своим братом Олегом Святославовичем, в ходе которого Олег был убит. Начинаются поиски убитого князя: Ярополк «посъла искать брата своего. Искавъше его, не обретоша. И рече единъ деревлянинъ: "Азъ видехъ...". «И посла Яропълкъ искать брата... и налезоша...»; Ярополк подтвердил желание инициатора убийства: «...сего... еси хотелъ» и пр. (ДС, 551–552; НВЛ, 75, под 977 г.).

Нестор же хорошо помнил всю в его время уже разветвленную схему.

14–25. Далее в «Повести временных лет» с 902 г. по 943 г. (29, 32, 39–45) следуют выписки, сделанные Нестором из «Хроники» Амартола и ее продолжения о византийских и болгарских событиях (305–306, 530, 541, 542, 544–545, 546–548, 552, 557–559, 566, 567–569, снова 566, 568)[44].

26. Под 946 г. в рассказе о четвертой мести Ольги деревлянам употреблено словосочетание «хочете изъмерети гладомъ» (58), которое сходно со словосочетанием в «Хронике» Амарто-

ла «гладомь умирающимъ» (23). Однако непосредственной связи летописи с «Хроникой» тут не было, потому что выражение «гладомь умирающимъ» использовалось только в оглавлении к «Хронике», вероятно, более позднем, чем сама «Хроника», а в соответствующем рассказе в продолжении «Хроники», то есть в переводе рассказа, стояло «гладом гыблющу» (508). Летописец просто употребил привычную для летописи варьирующуюся формулу; ср.: «помроша... гладомь» (163, под 1060 г.); «гладомъ умаряеми» (223, под 1093 г.); «изнемогаху... гладомъ» (65, под 988 г.); «изнемогаем гладом» (272, под 1097 г.); «хочем померети от глада» (127, под 997 г.) и т. д.

Но окончание летописного рассказа о четвертой мести явно перекликалось с «Хроникой». Ольга *«взяградъ, и пожьже и̓, старешины* же града *изънима,* и *прочая* люди – *овыхъ изби*, а *другыя работе предасть мужемъ своимъ»* (59). Ср. «Хронику» о разрушении Седекии и Иерусалима Навуходоносором: «Навходоносоръ же, *плененивъ градъ, пожъже и̓* весь и Седекию *емъ*... и оставъшимъ всемъ домомъ въ граде пожьже, ... *старешина* поваромъ, *прочихъ* жидовъ нарочитыхъ ведъ къ Навходоносору, *овехъ* же *умертви, другых работе предасть князем своимъ»* (175). Нестор, конечно, не сопоставлял Ольгу с Навуходоносором, однако же запомнил сюжетно-фразеологическую схему хронографического рассказа о полном разгроме города врагов и при случае следовал ей.

27. Рассмотренный выше (см. № 13) летописный рассказ под 993 г. о единоборстве русского воина с печенежским богатырем содержит дополнительные схождения с «Хроникой» Амартола, с разными ее рассказами. По летописи, печенежский князь предложил Владимиру: «Выпусти ты свои мужь, а я свои, да ся борета; да аще твои мужь ударить моимь, да не воюемъ за три лета; аще ли нашь мужь ударить, да воюемъ за три лета» (122). Все это напоминает в «Хронике» предложение персидского царя Власия византийскому цесарю Феодосию II Каллиграфу: «Аще имаши единого храбра во въихъ своихъ единому на сечю изити на единого сечьца персянина, да аще победить мои его, то абье створю миръ дани ради за 8 лет; аще ли побеженъ будеть вашь, то възму 10 кентинарья злата» (400).

В данном случае Нестор опять продемонстрировал знание повествовательной схемы рассказов о единоборстве, но вовсе не был привязан к «Хронике» Амартола. О традиционности этой схемы свидетельствует, например, аналогия, присут-

ствовавшая уже в «Своде Никона», когда летописец рассказал о единоборстве тмутороканского князя Мстислава Владимировича с касожским князем Редедей, – Редедя тоже предложил Мстиславу: «нъ сънидеве ся самъ бороть; да аще одолееши ты, то възьмеши имение мое и жену мою, и дети мое, и землю мою; аще ли азъ одолею, то възьму твое вьсе» (ДС-СН, 579; ср. ПВЛ, 146–147, под 1022 г.)[45]. Подобная схема, по-видимому, укоренилась не только в фольклоре, но и в книжности.

Дальнейшие детали рассказа «Повести временных лет» под 993 г. о единоборстве с печенежским богатырем снова сходны с «Хроникой» Амартола, но уже с иным рассказом в ее продолжении – о поиске византийским цесарем Михаилом III силача, который справился бы с непокорным конем: «печаловаше царь, яко не имеа мужа силу конскую премощи»; но тут пришел один из знатных людей и «рече цареви: "Есть у мене, царю, мужь некыи добль, силенъ..." Цареви же повелевшу вборзе ему приити... сего обреть, введе. Царь же повеле коня яти. Тъи же, единою рукою узду вземъ, а другою же за ухо емь» – укротил коня; «цареви причта его» (505). В «Повести временных лет» аналогично следующее: богатыря «въ наших не бысть, и почя тужити Владимеръ»; но один из почтенных мужей сообщает, что есть у него силач; Владимир послал за ним, и привели его к князю; далее пошли в дело руки – силач «похвати быка рукою за бокъ... елико ему рука зая», а потом они с «печенежином ястася и почаста» «ся крепко держати», и наш силач «удави печенежина в рукахъ до смерти»; Владимир возвысил победителя (122–123). Ясно, что и здесь Нестор следовал некоей общей схеме рассказов об усмирении свирепого существа, а не подражал «Хронике».

В летописном рассказе о единоборстве с печенежским богатырем можно найти и другие типовые детали единоборческих рассказов, например об устройстве места для поединка; по сообщению летописи, «размеривши межи обема полкома» (123); а по сообщению «Хроники» – «ставшема межи полкома на сечю» (400).

Кроме того, печенежин в летописи «бе бо *превеликъ зело и страшенъ*» (123); в «Хронике» же «бяше *великъ и страшенъ*» кумир, сооруженный Александром Македонским (387). И вновь дело было не в «Хронике»; Нестор просто воспользовался традиционным обозначением чего-то особо страшного. Ср. в «Начальном своде»: «и бе гроза *велика* и сеча сильна и *страшьна*» (НС, 188; ПВЛ, 148, под 1024 г.)[46].

В общем, рассказ под 993 г. подтверждает искусность Нестора в пользовании различными повествовательными схемами, откуда бы он их ни брал.

28. Самое позднее заимствование из «Хроники» Амартола (88–90) читается под 1036 г. в фактографическом пояснении Нестора о происхождении половцев (234)[47].

29. Под 1103 г. в «Повести временных лет» сообщается о казни половецкого князя Белдюза: *«расекоша и на уды»* (279). Такое же выражение встречается в продолжении «Хроники» Амартола: кесаря Варду *«на уды рассекоша»* (514), а перед тем стало известно, что он «*на удя рассеченъ* будет» (513). Подобное выражение нельзя отнести к часто употребляемым в XI – начале XII в.; поэтому остается открытым вопрос, припомнил ли Нестор это выражение из «Хроники» либо откуда-то еще.

30. В конце «Повести временных лет», под 1106 г., сообщение Нестора о кончине старца Яна Вышатича имеет фразеологическое сходство с разными отрывками из «Хроники» Амартола. Ср. летопись: «*преставися* Янь, *старець добрыи, живъ лет* 90, *в старости* мастите» (281); «Хроника»: «*умре* Давидъ *старостию доброю ... сыи 70 лет»* (138); продолжение «Хроники»: патрикий Никифор Фока *«конча си житие въ старости добре»* (530). Далее о Яне в летописи говорится: «бе бо мужь благъ, и *кротокъ, и смеренъ*»; соответственно в «Хронике» об одном из еврейских иереев сказано: «*смеренъ, кротокъ* человекъ» (121). Летописец еще добавил о Яне: *«огребаяся всякоя вещи»*; ср. в «Хронике» характеристику каждого непорочного человека: «*огребаяся от всякоя* злы *вещи*» (91). Вряд ли можно видеть здесь специфическую ориентацию Нестора на «Хронику» Амартола, тем более что второе вышеприведенное выражение в «Хронике» сопровождалось ссылкой на Иоанна Златоуста, а третье выражение – ссылкой на Писание.

Подведем предварительные итоги. Нестор воспользовался «Хроникой» Амартола, иногда делая даже обширные выписки из нее, в основном для заполнения информационных пустот в начале «Повести временных лет» о древнейших событиях до середины X в. (см. примеры № 1, 2, 4, 5, 8–11, 14–25, 28). Затем характер обращения к «Хронике» изменился, Нестор предпочел эпизодически использовать лишь повествовательные схемы, легшие в основу тех или иных рассказов «Хроники» (см. примеры № 6, 12, 13, 26, 27), а также многочисленные традиционные выражения (см. примеры № 3, 5, 7, 26, 27, 29, 30). Следовательно, по сравнению с составителем «Началь-

ного свода», по преимуществу рассказчиком, Нестор предстает более опытным и фактографичным книжником.

Третья редакция «Повести временных лет» *(1118 г.)*

В окончании третьей редакции А. А. Шахматов отметил заимствования и из «Хроники» Амартола[48], судя по которым направленность книжного труда у летописца уже не менялась: были сделаны очень большие выписки, преимущественно нравоучительные, или упомянуты отдельные легендарные факты, взятые из «Хроники»[49].

Сопоставление «Повести временных лет» с «Хроникой» Георгия Амартола позволяет думать, что на протяжении 80 лет создания летописи летописцы как повествователи все-таки не так уж сильно отличались друг от друга, разве что со временем склонялись к большей развитости и пространности повествования. Этим обстоятельством оправдывается возможность исследовательского подхода к летописи XI – начала XII вв. как к единому целому в литературном отношении.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники / Текст ст. подгот. М. Д. Приселков // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 41–61.

[2] Наглядно это представлено А. А. Шахматовым в его трудах: 1) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 539–610; 2) Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. С. 1–374.

[3] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 539 (далее в скобках указываются буквы ДС и страницы).

[4] ПСРЛ. М., 1997. Т. 1 / Текст летописи подгот. Е. Ф. Карский. Стб. 9 (далее в скобках указываются буквы ПВЛ и столбцы). Этот и все другие памятники цитируются с упрощением орфографии.

[5] *Истрин В. М.* Книги временьныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг., 1920. Т. 1. Текст. С. 145. Далее станицы указываются в скобках.

[6] *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893. С. 160–161; Приложения, с. 152.

[7] Там же. С. 239. Ср. Приложения, с. 28, 35.

[8] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 130, 466.

[9] См. «Начальный свод» в реконструкции А. А. Шахматова: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1. С. 75 (далее в скобках указываются буквы НС и страницы).

[10] См.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 126–127; 547, примеч. 5.

[11] Ср.: Там же. С. 441; 584, примеч. *.

[12] См.: Повесть временных лет / Изд. подгот. Д.С. Лихачев. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 447.

[13] Предположение об этом, к сожалению, без каких-либо оснований, см.: *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 132.

[14] См.: Там же. С. 147, 560.

[15] См.: *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 146–147.

[16] См.: *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Т. 1. С. 103, примеч. 13–14.

[17] На заимствование указал А.А. Шахматов; см.: *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 57, № 24.

[18] *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Т. 1. С. XXI–XXII, 361; Повесть временных лет / Изд. подгот. Д.С. Лихачев. С. 327.

[19] См.: *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописях сводах. С. 539, примеч. 3.

[20] См.: *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 97–99, 539, примеч. 4; *Он же.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 48–49, № 9.

[21] См.: *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 143; 561, примеч. 4.

[22] О прибавке этого сообщения в «Начальном своде» см.: Там же. С. 555, примеч. 1.

[23] Соответствие отмечено: *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 57–58, № 24.

[24] См.: *Матвеенко В.А., Щеголева Л.И.* Временник Георгия Монаха: (Хроника Георгия Амартола). Русский текст, комментарий, указатели. М., 2000. С. 524.

[25] *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 58–60, № 26; *Он же.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 598, примеч. 2.

[26] См.: *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 107; *Он же.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 606, примеч. 3.

[27] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Изд. подгот. А.Н. Насонов. М.; Л., 1950. С. 103–104.

[28] О принадлежности процитированных замечаний именно составителю «Начального свода» см.: *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 102–103; 543, примеч. 1; 587, примеч. 2; 451.

[29] Ср. ПВЛ, 183, 189, 211, 270, под 1074 и 1091 гг., то есть, судя по годам, эти замечания летописца появились тоже именно в «Начальном своде», и не ранее.

[30] О принадлежности к «Начальному своду» см.: *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 554, примеч. 1; 583, примеч. 2. Последнее из процитированных замечаний летописца (ср.: ПВЛ, 217, под 1093 г.), судя по году, также относилось к «Начальному своду».

[31] О присутствии этого замечания в «Начальном своде» см.: *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 139; 555, примеч. 1.

[32] *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 42–44, № 1.

[33] Там же. С. 44–45, № 2.

[34] Это замечание, вероятно, было вставлено в «Свод Никона» при составлении «Начального свода». См.: *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 445.

[35] См.: *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 45, № 3–4.

[36] Там же. С. 45–46, № 5.

[37] См.: Там же. С. 46–47, № 6.

[38] См.: Там же. С. 47, № 7.

[39] См.: Там же. С. 47–48, № 8.

[40] См.: Там же. С. 48–49, № 9.

[41] См.: Там же. С. 49, № 10.

[42] См.: Там же. С. 49, № 11.

[43] Там же. С. 80–92.

[44] Там же. С. 49–57, № 12–23.

[45] О вставке этого рассказа Никоном см.: *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 424–425; 579, примеч. *.

[46] Об отнесении этого сообщения к «Начальному своду» см.: Там же. С. 224; 580, примеч. 5.

[47] См.: *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 58, № 25.

[48] См.: *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Т. 1. С. XXXVII, 334, 340, 350 и др.

[49] Ср.: ПСРЛ. М., 1962. Т. 2 / Текст летописи подгот. А.А. Шахматов. Стб. 262, 270, 271, под 1109 и 1110 гг.; «Хроника» Амартола. С. 7, 160–162, 325.